

УРОК 9

Тема: «Нерукотворный памятник». Пушкин о поэте и поэзии.

Цель: раскрыть пушкинское понимание своей роли в искусстве использовать возможности расширительной трактовки темы поэта и поэзии как темы творчества не только поэтического.

Ход урока:

1. Чтение и беседа по тексту стихотворения «Пророк».

Объясняется ли в тексте появление перед человеком серафима? К каждому ли является посланец бога?

Пробуждение (ожидание, жажда) души всегда у Пушкина предшествует появлению в жизни личности каких-то внешних сил... Продолжите рассуждение.

Как вы объясните сочетание в тексте высокой старославянской лексики и почти натуралистического описания некоей кровавой операции? Что это за операция?

Гердер писал о том, что «зрение есть самое холодное из чувств, в то время как слух неминуемо действует на душу». Имеется ли какая-то целесообразность в последовательности обращения автора «Пророка» к различным образам чувств?

Что отличает пророка от обычного человека? Что дано пророку и чего у него нет?

Предпочитаете ли вы выступать носителем чужой воли или жить по своей собственной? Кто наделен большей самостоятельностью, пророк или простой смертный? Почему?

Кому дается право учить людей? Прекрасна или тяжела миссия пророка?

Почему В.Шукшин считал, что самые великие слова в русской поэзии: «Восстань, пророк, и виждь, и внемли... Глаголом жги сердца людей»?

6. Чтение и беседа по тексту стихотворения «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...»

Чем объясняется потребность или необходимость ставить памятник? Можно ли ставить памятник самому себе? Обратите внимание на дату написания. Почему именно в это время поэт пишет стихотворение?

Что значит памятник «нерукотворный»? Для чего в стихотворении образ «Александрийского столпа»?

С помощью каких языковых средств Пушкин показывает нам свой памятник и каким он его видит?

Почему стихотворение Пушкина нельзя назвать переводом оды Горация «К Мельпомене»? Что общего и в чем отличие стихотворения Пушкина от «Памятника» Г.Р.Державина? Совместим ли пафос

перечисления личных заслуг и достижений, присущий этому виду стихотворений, с такими достоинствами, как. Например, скромность?

В чем видит свои заслуги Пушкин? Совпадает ли ваша иерархия ценностей с пушкинской? Только ли о свободе от самодержавия идет речь? Какой смысл вкладывает поэт в понятие «свобода»?

Какие реальные факты наполняют образы «жестокий век» и «милость к падшим призывал»? Почему Пушкин называет свой век «жестоким»? О каких «падших» идет речь? Какие заветные убеждения поэта стоят за этими образами?

Почему поэт отвергает суд современников и надеется на признание потомков? Какие нормы поведения утверждаются в последней строфе стихотворения? Насколько органично она вписывается в общий строй и пафос текста?

В стихотворении «Надеждой сладостной младенчески дыша...» (1823 г) есть строка «когда бы верил я, что некогда душа, от тленья убежав...» Стихотворение «Я памятник себе воздвиг нерукотворный» продолжает или опровергает эту строку? Можно ли говорить об устойчивом интересе поэта к теме бессмертия?

Что дает поэту право на бессмертие? Расходится ли пушкинское понимание бессмертия с христианским? Что значит «весь я не умру»? Как соотносятся у Пушкина два бессмертия – личное и поэтическое?

Почему Пушкин надеется, что «душа тленья убежит»? Почему поэт уверен, что к памятнику «не зарастет народная тропа»? Насколько и чем соотносены эти два утверждения?

Увеличивает или снижает категоричность суждения « славен будучи « продолжение «доколе в подлунном мире Жив будет хоть один пиит»?

В чем общечеловеческий смысл стихотворения?

2. Чтение любимых стихов Пушкина.

На дом:

1. Ответить на вопрос: Что могут дать стихотворения Пушкина о поэте и поэзии тем, кто никогда не писал стихов и не чувствовал себя поэтом?
2. Раздел по учебнику «Тема поэта и поэзии в творчестве Пушкина».

ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКИЙ И МЕТОДИЧЕСКИЙ КОММЕНТАРИЙ

Урок 9.

Уроки по теме «Пушкин о поэте и поэзии» обычно не вызывают энтузиазма у учащихся, считающих эту тему слишком специальной и отчужденной от насущных проблем жизни. Между тем при правильном подходе учителя эти уроки могут дать очень

многое. В стихотворениях Пушкина о поэзии можно найти если не его характеристику своего творчества, то по крайней мере те основания, на которых, с точки зрения поэта, эту характеристику следует строить. Еще важнее то, что в этих стихотворениях содержится точка зрения величайшего русского поэта на сущность и назначение поэзии как таковой. Даже те, кто равнодушен к стихам, не могут не понимать, что есть некий минимум информации, без которого культурный человек немислим. Содержанием этих двух уроков должен быть как раз этот необходимый минимум по вопросам поэтического творчества.

При всей парадоксальности и субъективности многих суждений Пушкина о поэзии, едва ли не сознательно дискуссионных, полемических, вызывающих на спор, в них заложена концепция, которую трудно опровергнуть. Кажется, Пушкин предусмотрел все возможные возражения и подготовил контраргументы против них, что при внимательном чтении неизменно обнаруживают те из его оппонентов, которые привыкли к честной полемике. Эту остроту, полемичность, порой резкость поэтических манифестаций Пушкина не стоит сглаживать или смягчать. Напротив, если они заденут за живое учеников, если они найдут как горячих защитников, так и страстных противников, острую ситуацию хорошо использовать для выработки навыков грамотного ведения дискуссии. Отыскивая в тексте аргументы за и против, сверяясь с текстом в спорных моментах, уточняя малейшие расхождения, дети учатся четко формулировать свою позицию, находить сильные и слабые места в позиции оппонентов, не передергивать факты, убеждать, соглашаться с бесспорным, опровергать то, что можно аргументированно опровергнуть. В такого рода работе ученики скорее полюбят Пушкина – «живого, а не мумию». А стихи Пушкина о поэзии дают великолепные образцы полемического мастерства, виртуозного владения словом, глубокой и острой мысли, своей обнаженностью и выпуклостью открытой для нападок, но прочно защищенной изнутри своей содержательностью и объемом. Чаще задавайте себе и детям вопрос: а правильно ли мы поняли Пушкина, не приписываем ли ему собственные суждения и предположения? Критерием верного понимания является соответствие смысла отдельных высказываний контексту целого. Нужно научиться находить переключки образов и мыслей и в их соотношении уточнять нюансы и оттенки. Искусство понимания дается нелегко, но даже азы его будут потом служить человеку всю жизнь.

Стихотворению «Поэт и толпа» предпослан эпитафия на латинском языке: «Подите прочь, непосвященные». Уже латынью проводится грань между теми, кто может понять и кто не может. И в самом тексте категорично и безапелляционно утверждается невозможность понимания между непосвященными («народ непосвященный» «бессмысленно внимал», «чернь тупая») и посвященными – поэтом, отказывающимся от общения («подите прочь!»), настолько он уверен в тупости толпы.

Адекватна ли позиция лирического героя стихотворения позиции самого Пушкина? И да, и нет. Как всегда в тех случаях, когда Пушкин говорит не от лица «я», а в третьем лице, от некоего лирического персонажа, он (Пушкин) предпочитает уклониться от прямого отождествления позиций автора и героя. Как правило, при этом он точку зрения героя делает более острой и недвусмысленной, чем свою собственную, отличающуюся большей объемом и неоднозначностью. Но никогда бы Пушкин не приписал герою, обозначенному в тексте как Поэт, высказывания, несоотносимого с более или менее типичной позицией поэта, а значит и своей собственной.

Попытаемся понять эту позицию. Для кого пишут стихи? – Для посвященных, то есть способных любить и понимать. А как же иначе? Разве может быть по-другому? К тем, кто нас любит, мы ведь обращаемся совсем по-другому, чем к тем, от кого ждем лишь враждебного непонимания. Быть искренним, открыть себя, не опасаясь предательского удара, язвительной насмешки, расплаты за опрометчивую откровенность – исходное условие для поэтического творчества. Скованность, замкнутость не годятся для поэта; мешают они и в обычном общении, предполагающем свободу и раскрепощенность.

А как быть «непосвященным», которых столь грубо отталкивают? Ср.: «Не давайте святыни псам и не бросайте жемчуга вашего пред свиньями, чтоб они не попрали его ногами своими и, обратившись, не растерзали вас» (Мф. 7, 6). Или вслед за поэтом признать невозможность общения и общаться с себе подобным. Или попытаться понять причины враждебности Поэта – хотя бы из любопытства. Можно ведь допустить, что враждебность к себе мы заслужили?

Кто в стихотворении инициирует общение? Те, кто назван «народом непосвященным». С чего они начинают диалог? С одновременного выражения непонимания и оценки – упрека в бесцельности, бесплодности и бесполезности. Продуктивно ли так начинать разговор? Если разговор с вами начинается с негативной оценки в ваш адрес, как вы реагируете? Очевидно, пытаетесь защищаться. Речь поэта следует воспринимать именно как защиту от нападков. Как обычно защищаются люди от обвинений? Видимо, утверждают, что они несправедливы. В чем необычность защитной речи Поэта? Поэт не опровергает обвинений и, настаивая на неизменности своей позиции, объясняет, почему поэты не ставят цель сделать свое творчество полезным. Стихи пишут не для того, чтобы принести пользу – кто из нас, ищущих во всем благо, внутренне не восстает против этой мысли. Если бесполезны, значит, не нужны? Но уточним смысл понятий, о которых идет речь. Что понимать под пользой? Практические результаты, выгоды, конкретные успехи в конкретных делах. Полезен печкой горшок, потому что в нем готовят пищу. Бесполезен бог или изображение бога – а пищу их не используешь. И что же, существование человека ограничить кругом съедобных предметов? Согласны вы жить только тем, что можно съесть? Согласны? Тогда о чем еще можно разговаривать? Желать вам приятного аппетита?

Поэт хотел бы прекратить общение (люди, живущие разными ценностями, никогда не поймут друг друга). Но чернь не согласна довольствоваться ролью потребителя материальных благ. Она претендует на нечто большее: она хочет, чтобы ей давали уроки нравственности, исправляя ее пороки («Сердца собратьев исправляй!»). Какое соблазнительное предложение! Кто из нас откажется от удовольствия воспитывать ближнего?! Почему так категорично отказывается поэт? («Подите прочь – какое дело Поэту мирному до вас!») Потому что нельзя оживить мертвых («Не оживит вас лиры глас!»). Потому что человек, достигшему определенной духовной высоты («жрецу») нельзя унижать себя ролью уборщика, выметающего мусор. Глупость и злоба – вне духовности. Для их искоренения требуются «Бичи, темницы, топоры», Потому что и воспитательные задачи представляются поэту слишком незначительными в сравнении с тем великим смыслом, который видит он в поэзии.

Для кого же и для чего в таком случае пишет поэт? Для «сынов небес», а не «червей земли», то есть для тех, кто способен жить высоким, а не тем, что удовлетворяет практические нужды. Для тех, кто нуждается в боге больше, чем в печном горшке. Для Пушкина на протяжении всего его творческого пути важно было разграничить идеал и цель. Пушкин недвусмысленно заявляет о своей любви («Я так люблю Татьяну милую мою») именно к тем персонажам, чьи целевые установки определить непросто, а порой и невозможно. Легко понять цель действий Бориса Годунова, Гришки Отрепьева или Пугачева, стремящихся к овладению царским престолом; Барона, умножающего и сохраняющего свои сокровища («Скупой рыцарь»); А. Прохорова, мечтающего о выгодном заказе («Гробовщик»)… Но ни сама Татьяна, ни читатели пушкинского романа не смогут сказать с определенностью, зачем девушка пишет любовное письмо едва знакомому молодому человеку. Житейская опытность ищет разумного объяснения действиям и поступкам, совершаемым якобы с какой-то прагматической целью, хотя утилитарный подход меньше всего может объяснить порыв юной девушки, открывающей свое сердце любимому и цель признания видящей в самом признании.

Цель признания – в самом признании. Цель любви – в самой любви («Ах, обмануть меня не трудно!.. Я сам обманываться рад» - «Признание»). Цель жизни – в самой жизни

(«Ты понял жизни цель; счастливый человек, Для жизни ты живешь» - «К вельможе»). Цель поэзии – в самой поэзии. Одним из главных лейтмотивов пушкинского творчества является это настойчивое утверждение самоцельности главных ценностей жизни, чем собственно они и отграничены от всего второстепенного, но часто претендующего на главную роль, знающего свои цели и неуклонно устремленного от одной к другой. У Пушкина сфера идеального, в которую входят прежде всего истинное искусство и истинная любовь, самоцельна и самоценна. Напротив, сфера реального характеризуется постановкой и решением конкретных целей, направленных на некий внешний объект и тем самым зависимых от него, от его содействия или противодействия. Идеалом может обладать только то, что имеет цель своего существования в самом себе – так считал немецкий философ И. Кант. Ср. Ленский представлен как «поклонник Канта и поэт». Два определения героя сближаются у Пушкина, очевидно, не только текстуально. Высшая цель человека, вбирающая в себя частные устремления и задачи, но никогда не равная им, – воплощение идеала, служение идеалу. Целесообразное мышление смешивает идеал с целью – высокой целью, которая, хоть и несет в себе определенные свойства идеала, но не тождественна ему. Попытки немедленного воплощения идеала в жизнь нередко имеют трагические последствия как для идеала, так и для его служителей. Русский человек стремится к идеалу, видя в цели сужение духовного пространства, ограниченность кругозора. Цель ограничивает, а ложная цель уводит на неверный путь. Способностью найти цель, соответствующую действительному назначению человека поверяется возможность личности преодолеть отчуждение от собственной жизни, сделать жизнь в полном смысле своей (в этом поэтический сюжет стихотворения «Дар напрасный, дар случайный...»). В жизни человеку важно найти достойную цель. В искусстве поэт – в той мере поэт, в которой он служит не некоей узкой цели, самой высокой и благородной, но идеалу.

В стихотворении «Поэту» (1830) разбирается один из аспектов более широкого по содержанию стихотворения «Поэт и толпа». Если в последнем отношении поэта и толпы были осмыслены в контексте размышлений о сути и назначении поэзии, то первое развивает тему независимости от мнений окружающих. Можно сказать, что стихотворение «Поэту» вырастает из одной программной строки «Деревни»: «Роптанью не внимать толпы непосвященной», демонстрируя неизменность позиции Пушкина в этом важном для любого человека вопросе.

Почему так настойчиво уверяет себя Пушкин в необходимости отстраненного отношения к внешним оценкам: «останься тверд, спокоен и угрюм» как при восторженных похвалах, так и слыша «суд глупца и смех толпы холодной»? Вводящая в тему строка (с той первой строке мы обычно запоминаем стихотворение и судим о его теме) – «Поэт! Не дорожи любовью народной» звучит почти неприличным пренебрежением даже не чернью (то есть самой презренной для Пушкина частью общества – бездуховной толпой), а «любвию народной». Критерий народной любви, всенародного признания всегда считался и считается главным, определяющим, безусловным. И сам Пушкин в итоговом своем произведении с гордостью предскажет, что к его памятнику «не зарастет народная тропа», обнаруживая тем самым, что главное для всех – любовь и память народа – является главным и для него.

Кажущееся противоречие в позиции Пушкина объясняется тем, что поэт отделяет посмертную славу от прижизненных лавров. В отличие от тех, кто жаждет пожать плоды своих успехов сейчас и немедленно, получив моральное и материальное удовлетворение извне, Пушкин видит главную награду за свой труд в самом труде («Они в самом тебе»). Если ты занимаешься действительно любимым делом, то высшее счастье получаешь именно от своего занятия («Усовершенствуя плоды любимых дум»). Если ты стремишься найти компенсацию во внешнем, значит твоя работа не так дорога тебе.

Не менее важно и то, что, приспособившись к изменчивым мнениям окружающих, колеблющимся от восторгов до осмеяния, человек перестает быть самим собой,

раскачиваясь как флюгер на ветру, утрачивает собственную личность. Настоящее и долговременное всегда лично и не довольствуется сиюминутными успехами, достигнутыми удачным приспособлением к однодневным запросам. Конечно же, Пушкин, как и все, нуждается в оценках, корректирующих и направляющих движение. Но ищет он не легковесного удовлетворения самолюбия, а «высшего суда» - суда по высшему счету, самого строгого и взыскательного. По Пушкину, такой счет по максимуму может предъявить к себе только сам человек. Не высокомерным презрением к оценкам окружающих руководствуется поэт, предпочитая судить о себе сам, а бескомпромиссностью, серьезностью требований, которые предъявляются к самому себе («всех строже»).

Пушкин как-то написал, что первый признак умного человека – знать, с кем имеешь дело и не метать бисер перед свиньями. На опыте Пушкина можно было бы сделать и другой вывод: первый признак гения – дар свободы, ощущение и своей и чужой свободы как святыни, которой нужно дорожить, на которую нельзя посягать. Потому так настороженно относится Пушкин к любым попыткам воздействия на личность, собственную ли, чужую ли, - оценками, мнениями, уроками, требованиями. Не исключением является и поэтическое воздействие. Как никто другой, Пушкин понимает, что поэзия может стать системой тончайших принуждений, незаметных, а значит особенно опасных внушений. Сознвая силу своего слова, Пушкин отказывается применять ее даже если его просят о поэтических наиданиях («Свой дар, божественный посланник, Во благо нам употребляй» - «Поэт и толпа»). Лишь бое (а тем более поэтическое) слово воздействует на окружающих, хотим мы этого или нет. Пушкин находит уникальный способ избежать исходящего от слова явного или тайного насилия, выразив его в столь же уникальной формуле, которую можно было бы назвать формулой свободного общения: «чувства добрые я лирой пробуждал». Замечателен и найденный Пушкиным глагол («пробуждал»), точность которого, по словам русского писателя Д. Гранина, «можно считать откровением». Вслед за пушкинистом В. Непомнящим, выразившим в свое время сходное суждение, Д. Гранин обращает внимание на то, что мы могли бы определить как неконфликтный способ воздействия: «Здесь, может быть заключен принципиально иной подход к роли искусства: чтобы пробудить – достаточно коснуться, не надо кричать, можно шепнуть...» Установка Пушкина – не навязывать, не насиловать добром и красотой, а пробуждать то, что имеется у каждого (кроме тех, кто умер для красоты и духовности: «не оживит вас лиры глас»), не посягая на чужую свободу внедрением в сознание другого собственных ценностей. Душа того, к кому обращаются, остается свободной от инородного вторжения и питается собственными соками, которые носит в себе, но о которых, быть может, не подозревает.

Пушкинский идеал внутренне лишен конфликтности, не агрессивен. Потому, по Пушкину, сражаются за идеал люди, не доросшие до него. Созревший к восприятию идеального человек понимает, что насильно можно навязать многое, но не идеал.

В творчестве Пушкина есть только одна строка, содержащая идущий от автора призыв к насилию и освящающая его: «Глаголом жги сердца людей». Только в одном случае гармоничный глагол Пушкина ориентирован на то, чтобы не пробуждать, а жечь. Но этот призыв обращен к пророку – глашатаю высшей истины, лишенному собственной воли и доносящему до людей волю бога. Только пророк как носитель Высшей истины может претендовать на совершенствование человечества, а тем самым вторжение в жизнь людей, воздействие на их сердца. Только лишенный своей воли проводник Высшего закона имеет право на насилие над чужой волей.

Но жечь сердца может лишь тот, кто сам прошел через божественное очищение мечом и огнем («И он мне грудь рассек мечом, И сердце трепетное вынул, И угль, пылающий огнем, Во грудь отверстую водвинул»). Думающий ученик не может, читая эти строки, не спросить: «Выходит, у пророка нет сердца?». Да, нет человеческого сердца, один пылающий огонь, одно сплошное горение. Высшая стадия – стадия пророка

– требует полного перерождения человеческой природы, освобождения от всех земных человеческих свойств. Только подвергшись «кровавой операции», человек отрешается от индивидуального и случайного, способен воспринимать волю бога и имеет право жечь сердца людей. Таков тот счет, который, по Пушкину, должен оплатить человек, жаждущий властвовать над душами. По Пушкину, знание Высшей истины и, как следствие, моральное право на активное вторжение в чужие личностные пределы есть только у людей, выполняющих волю Бога, но не свою.

Но на стадии Пророка искусство умирает, остается религия, проповедь, молитва. Религия – откровение того, что выше обычных человеческих возможностей, – иноприродна искусству, тоже несущему откровение, но откровение возможного. «Проникнись волею моей», – это отказ от творчества, неотъемлемыми моментами которого являются вопрос и сомнение, поиск и открытие, движение и развитие. Творчество – это путь исканий и преобразований. Пророку все дается в готовом виде: его задача – не создание новых смыслов, а пассивное воспроизведение Абсолютного и Божественного. Пророк не ошибается – поэт имеет право на ошибку, заблуждения, без которых нет поиска, нет пути.

Пушкин претендует не на высоту Пророка, а на высоту Поэта, знающего и идеал, и реальность, живущего и прозой жизни и ее поэзией. В своей повседневной жизни Пушкин защищает свое право на свободу личностного самовыражения, право на индивидуальное восприятие и отношение к жизни, на субъективность, ошибки, конфликты, малодушие:

Пока не требует поэта
К священной жертве Аполлон,
В заботах суетного света
Он малодушно погружен;
Молчит его святая лига;
Душа вкушает хладный сон,
И меж детей ничтожных мира,
Быть может, всех ничтожней он.

(«Поэт» 1827)

В творчестве преодолевается мелкое и суетное, и человек поднимается над самим собой. Но память о собственных малодушных поступках («Но строк печальных не смываю» – «Воспоминание») личность хранит как предостережение от высокомерного отчуждения от тех, кто не знает больших высот и свершений. «Милость к падшим» способен искренне призывать тот, кто знал падения не понаслышке.

В пробуждении добрых чувств, «восславлении» Свободы и призывах к милосердию видит свою главную заслугу перед народом Пушкин («Я памятник себе воздвиг нерукотворный» 1836). Каждый из нас сам выбирает, каким богам поклоняться. Но понимание значимости главных ценностей Пушкина не может не сказаться благотворно на тех, кто способен дорасти до такого понимания.